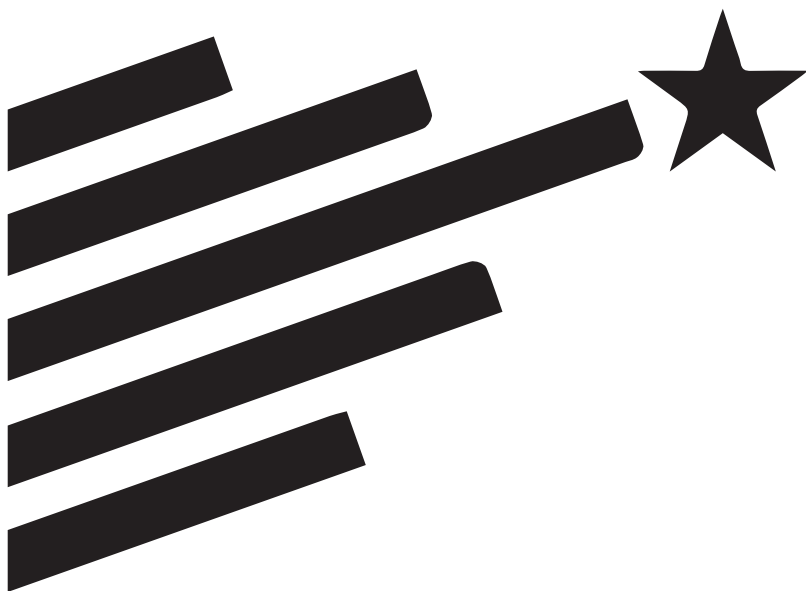

Фонд А.

КОНТОРЩИЦА

ОЛИМПИАДА-80

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф77

Дизайн обложки: *Юлия Межова*
В оформлении обложки использовано
изображение из фотобанка Shutterstock
Автор Billion Photoes

Фонд А.

Ф77 Конторщица. Олимпиада-80: [роман] / Фонд А.—
Москва: Издательство АСТ, редакция «Астрель-СПб»,
2024.— 320 с.

ISBN 978-5-17-154619-9

Попаданка во времена брежневского застоя месяц спустя. Лидия Горшкова адаптировалась к производственной жизни депо «Монорельс», получила первые активы и даже набросала стратегию личного развития. Так, может, пора бы уже разобраться с ячейкой общества и переходить к строительству коммунизма? А тут еще и Олимпиада.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-154619-9

© Фонд А, текст, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ИЗ-ЗА ЧЕГО ВСЕ И НАЧАЛОСЬ...

Я глянула по сторонам, не видит ли кто, и перепрыгнула черную жирную лужу, правда едва не уронив папку с актами. Как хорошо, что я послушалась Римму Марковну и приобрела обычные туфли фабрики «Скороход». С виду фу, зато не жалко. Тем более ремонтный цех находится в самом конце депо, пока дойдешь — сто раз в мазут вляпаешься.

Иваныча я нашла быстро, помахала ему листком, дождалась, пока он вытрет руки куском ветоши, и ткнула, куда ставить подпись, — огромный агрегат издавал такой лязг, что не было слышно почти ничего. Теперь осталось найти Севу, и мой цеховой вояж на сегодня окончен.

В коридоре конторы, возле бухгалтерии, притормозила — на стенде вывесили свежий номер нашей газеты. На последней странице заметка о шампунях для волос была сокращена на два предложения, зато хоть фото улыбающейся модели с густой копной локонов вставили, как я и советовала. Я вчиталась в свой текст — ну, ничего страшного, убрали лишь названия шампуней, а так вроде все осталось без изменений...

От чтения меня отвлек Василий Егоров: я не расписалась в журнале по охране труда, и он напоминал мне уже второй раз. Но я опять отмахнулась — было некогда, да и устала я что-то — легла спать в три ночи, ведь сейчас активно готовлюсь поступать в институт, приходится историю учить заново, в духе настоящего времени, вспоминать математику, да и в русском языке за сорок лет кое-что изменилось. Поэтому днем работаю, а по вечерам

штудирую учебники, и это «по вечерам» частенько растягивается за полночь.

Глянула на часы и побежала наверх. Возле кабинета с номером 21 витало облачко импортных духов «Опиум», аромат резко диссонировал с впитавшимися в мою одежду запахами жженой резины и едкой гари. За дверью разговаривали. По голосам вроде Иван Аркадьевич и Аллочка.

Я улыбнулась и вошла в кабинет — запах «Опиума» усилился.

— ...подразделения... — сказал Иван Аркадьевич Аллочке и кивнул на высокую эффектную брюнетку, которая стрельнула умело подведенными глазами в его сторону, сделала плавное движение, обозначающее то ли полупоклон, то ли разновидность книксена, но, как бы то ни было, ее внушительная грудь при этом колыхнулась и чуть не выпрыгнула из декольте.

Дверь кабинета закрылась, и все обернулись на меня.

— А вот и Лидия Степановна! Лида, знакомься. Это — Машенька, — благодушно произнес Иван Аркадьевич. — Будет нам теперь помогать...

ГЛАВА 1

— Ватрушку еще бери! — Римма Марковна подтолкнула ко мне тарелку с источающей ванильные ароматы сдобой и долила чаю. — Совсем ты похудела, Лида.

— Так это же хорошо, — ответила я, жуя творожную ватрушку из вежливости, через силу.

— Ну, не скажи, — покачала головой соседка, — женщина должна быть в теле, манить, а не костями греметь.

«Угу, видела бы ты моделей и фотоняшек в моем времени», — поморщилась я, с досадой посмотрела на недоденную ватрушку и отложила в сторону.

— Что ты думаешь делать с Валерием? — без обиняков спросила Римма Марковна.

Вот за что уважаю эту женщину — так это за прямолинейность. После того как она сперва угодила в богадельню, а затем поселилась у меня, Римма Марковна категорически изменилась: исчезла привычка носить старый изношенный халат поверх нового, пить чай из щербатой чашки (откуда-то она притарабанила прибалтийский фарфоровый сервиз, и теперь каждый вечер у нас четко соблюдалась чайная церемония), и даже стала курить не обычный «Полет», как раньше, а «Полет» исключительно какой-то дукатовский (мне без разницы, но вот Римма Марковна утверждала, что именно этот — самый лучший). Но главное, Римма Марковна взяла идеологическое шефство над всеми соседками в нашем подъезде и заодно — надо мной.

— Так что с Горшковым? — повторила она.

— Я уже два раза пыталась с ним встретиться, — развела руками я, — прячется, гад.

— И? — не унималась Римма Марковна.

— Что-что, — нахмурилась я, — надо попробовать еще раз. Не смогу договориться — буду решать кардинально.

— Как это?

— Убью его, — снисходительно улыбнулась я и отхлебнула чай.

— Ты не шути так! — нахмурилась Римма Марковна. — Я же серьезно спрашиваю, а ты дурачишься.

— И я серьезно. — Но невольно рот сам растянулся до ушей. — Римма Марковна, я знаю тридцать один способ убийства без следов. Никакая милиция не найдет. Вот слушайте: способ первый — можно подсеять у них на даче цикуту в петрушку. Соотношение семян цикуты и петрушки должно быть...

— Прекрати! — строго перебила меня Римма Марковна, но не выдержала, рассмеялась.

— Хотя есть вероятность, что заодно и Элеонора Рудольфовна умрет, очень уж она петрушку в салатах любит, — кровожадно продолжила я. — А чтобы милиция ничего не заподозрила, нужно цикуту еще и по обочинам в сорняках по всей деревне подсеять, типа ареал обитания у нее такой. Второй способ — поставить в горшковской комнате в вазу большой букет полевых цветов с аконитом, но тут главное: самую начальную стадию цветения захватить, и Горшков, может, и не умрет к утру, но жить будет мало и тяжело. Ключ от комнаты на Механизаторов я знаю, где лежит. Хотя нет, нужно же наверняка. Значит, тогда делаю по-другому: собираю огромный букет всяких колокольчиков-дельфиниумов вперемешку с аконитом, приглашаю Горшкова на свидание, мы гуляем по городу, при этом я буду постоянно нагибаться, вроде как поправлять ремешок на туфле, а букет отдам нести ему. У него

привычка в волнении грызть ногти, поэтому, к примеру, пообещаю прописать его в эту квартиру на каком-нибудь совершенно дурацком условии. Или же скажу, что узнала, как он в карты на деньги играет, и что я планирую сообщить Элеоноре Рудольфовне. Часовая прогулка, он держит мой букет, волнуется, грызет ногти, потом вернется домой, и утром я — вдова. Главное, не забыть букет забрать.

— У тебя нет туфель с ремешками, — промямлила явно впечатленная Римма Марковна.

— Придется, значит, купить, — согласилась я, — заодно пополню свою коллекцию от фабрики «Скороход».

— Но ты ведь тоже будешь держать букет и, значит, тоже отравишься, — не сдавалась Римма Марковна.

— Ой, делов-то! — легкомысленно отмахнулась я. — Можно надеть перчатки, можно взять носовой платок, можно намазать ладони клеем. Слушайте лучше дальше. Итак, способ третий — разбить штук восемь градусников и аккуратно вытряхнуть ртуть на пол и немного под плинтус, повозить ее веником по всему полу комнаты, чтобы площадь испарения стала максимальной. Про ключ от комнаты я уже говорила. Четвертый способ еще легче — берешь обычный шприц и...

Закончить мне помешал звонок в дверь.

Римма Марковна сидела красная от возмущения и сдерживаемого смеха, пришлось идти открывать мне.

На пороге стоял Иван Тимофеевич. Поздоровавшись, он осторожно поинтересовался, дома ли сейчас Римма Марковна. Получив утвердительный ответ, он вздохнул:

— Понимаете, Лидия Степановна, я хотел с вами обсудить упаковку для мыла, она уже готова.

— Так давайте обсуждать, — согласилась я и радушно добавила: — Проходите, пожалуйста.

— Да нет, — покачал головой сосед и тихо добавил: — Давайте лучше поступим таким образом: загляните завтра,

часам, скажем, к семи вечера ко мне. На работу. Я покажу отпечатанные образцы, и мы выберем. Хорошо?

Я кивнула.

— Кроме того, в редакцию вам пришло много писем от читательниц, — лукаво улыбнулся Иван Тимофеевич, — заодно и заберете. Нужно же всем ответить.

Я поблагодарила и пообещала зайти. Иван Тимофеевич напомнил о сроках сдачи заметки «Уход за лицом в летний период» и вдруг замялся:

— И еще... тут такое дело...

— Говорите, — подбодрила соседа я.

— Понимаете, Лидия Степановна, как бы это сказать... не все наши корреспонденты, так сказать, благосклонно отнеслись к вашему творчеству...

— И что? — не поняла я.

— В общем, вам нужно быть готовой к некоторым... эммм... критическим замечаниям с их стороны, — вздохнул Иван Тимофеевич, отводя глаза.

— Да не беспокойтесь, Иван Тимофеевич, — рассмеялась я, — никакой критики я не боюсь. Наоборот, мне будет даже полезно услышать мнение коллег по перу.

Мы распрощались, и я вернулась обратно на кухню.

— Кто это приходил? — полюбопытствовала Римма Марковна, перемывая посуду.

— Да Иван Тимофеевич, хочет, чтобы я завтра забрала письма моих читательниц. — Я решила пока не посвящать старушку в эпопею с мылом (раз Иван Тимофеевич развел такую таинственность).

— О! Тебе уже приходят письма читателей, Лида. — Римма Марковна развернулась ко мне, и ее морщинистое лицо расплылось в мечтательной улыбке. — Это же так замечательно... письма, почитатели... эх, а ведь я когда-то тоже писала письма... Александру Вертинскому...

На работе весь день прокрутилась как белка в колесе: у нас добавлялось еще одно подразделение, хоть и маленькое, но пришлось делать новую штатку. Я стучала по клавишам пишущей машинки с упорством дятла, торопилась сделать всю работу — нужно еще выкроить время и успеть набрать текст заметки в газету. Раз обещала — надо сделать. Но печатать левые тексты на работе все-таки стрёмно: вдруг кто увидит. Нужно запланировать покупку собственной печатной машинки — и срочно.

За треском машинки я не расслышала, как открылась дверь. На стол упала тень. Я подняла глаза и сильно удивилась — передо мной стоял Роман Мунтяну. За все время моего пребывания в кабинете, который он делил с Егоровым, я от него услышала хорошо если два-три слова. Он всегда был нелюдим и словно существовал в параллельной вселенной. И тут вдруг сам лично пришел ко мне в кабинет. Интересненько.

— Лида, — сказал Мунтяну и выжидательно уставился на меня.

Я молчала. Решила дать человеку выговориться. Даже если это Мунтяну.

— Завтра, — продолжил Мунтяну, понимая, что я ничего не спрашиваю, — мы собираемся. Приходи.

— Когда? Кто? Где? — чуть переиначила классику я, флегматично оттирая испачканные копиркой пальцы.

— Гаражи на Набережной. Знаешь?

Я кивнула.

— Гараж с синей дверью, слева, второй ряд. В восемь, — очень тихо сказал он и, чуть помедлив, добавил: — Не забудь.

— А кто собирается? — Меня уже распирало любопытство, непонятно, куда это он меня приглашает, кто там еще будет, и, главное, какой формат встречи — тайное масонское общество? комсомольский субботник? разнузданная оргия (хотя до оргий в этом времени, кажись, еще

не дошли)? Благопристойное чаепитие? Или простая дружеская пьянка в гараже?

— Мы, — лаконично ответил Мунтяну и попросил: — Только ты никому.

Я кивнула.

— Поклонись, — потребовал Мунтяну, внимательно глядя мне в глаза.

— Клянусь, — честно поклялась я и даже зажмурилась от такой своей кристальной честности.

Успокоенный Мунтяну ушел, а я, терзаемая любопытством пополам с сомнениями, стала печатать дальше.

Вечером я забежала в типографию. Иван Тимофеевич встретил меня радушно.

— Проходите, проходите, Лидия Степановна! — Он усадил меня в кресло для гостей, угостил чаем и протянул несколько отпечатанных листочков: — Вот образцы. Взгляните.

Я покрутила этикетки, рассматривая. Ну что тут скажешь, все скромненько-банально, великая эра рекламы и маркетинга наступит здесь явно еще не скоро.

— Можно просто заворачивать, а можно делать коробочки, — пояснил Иван Тимофеевич. — Что скажете?

— Смотря для каких целей нужно это мыло, — дипломатично ответила я, возвращая образцы. — Если для массовой продажи — то я вообще смысла в упаковке не вижу, я уже попробовала продать коллегам, но они хотят дешево, максимум по три рубля. Сами понимаете, возиться с изготовлением такого мыла долго, плюс этикетки печатать. А теперь представьте, если мыло выпускать и продавать массово, то цена вообще до рубля упадет, если не ниже. Кроме того, массовое производство потребует много времени, а я мало того, что у вас подрабатываю,

так еще в институт поступать готовлюсь. Да и опасно. Кто-нибудь обязательно заложит.

— Нет, нет, Лидия Степановна, — замахал руками сосед. — Мыло мне нужно для небольших подарков высоким гостям. У нас постоянно кто-то бывает в городе с визитом. И всех обязательно везут на экскурсию к нам. Дарить все эти ручки-блокноты-календари — мелко, согласитесь. А вот такой подарок всем бы понравился. Иностранцев в основном возят тоже к нам.

— Тогда совсем другое дело. — Я подняла взгляд на Ивана Тимофеевича. — Но здесь надо понимать: к примеру, для высоких гостей из сферы торговли нужна упаковка в стиле «дорого-богато», для интеллигенции — нечто изысканно-интеллектуальное, партийные и пропагандисты оценят что-то в духе «люблю родные березки и Кудашскую ГЭС». А для иностранцев вообще по-другому надо...

— Да-да? — заинтересованно подался вперед Иван Тимофеевич.

— Этикетки нужны «а-ля рюс», а не под арабский стиль, и лучше писать, что мыло с морошкой, икрой осетра или маслом кедровых орешков. И мыло соответственно такое и делать.

— Да что ж это за мыло, если оно рыбой вонять будет? — поморщился Иван Тимофеевич. — Да и дорого, зато черную икру в мыло добавлять.

— Да там от рыбы только название, — пожала я плечами, — психологическая уловка такая. Икру добавлять никуда не надо, в крайнем случае можно капнуть немного рыбьего жира в основу.

— Но это же обман, — скривился Иван Тимофеевич.

— В косметологии почти все — обман, — ответила я, — вот вы, к примеру, разницу между земляничным мылом и огуречным хоть раз чувствовали? Если исключить отдушку, то разницы вообще нет.

Иван Тимофеевич задумчиво кивнул.

— А на этикетке можно написать, что-то вроде «...мыло с экстрактом икры каспийского осетра — лучшее средство против преждевременного старения, оно мгновенно восстанавливает уставшую кожу и улучшает кровообращение... При регулярном использовании наблюдается накопительный омолаживающий эффект...»

— Здорово! — восхитился Иван Тимофеевич.

— Экспромт, — усмехнулась я, — но, если посидеть подумать, можно много всего написать, про икру я для примера сказала, нужно брать исключительно наше сырье, причем такое, которого нигде больше нет. Иностранцы ведь едут сюда за русской экзотикой, значит, нужно им эту экзотику дать. Вы вот в кабинете чучело медведя с балалайкой разве не затем поставили?

Мы говорили еще долго, пока в кабинет не заглянула его секретарь и не постучала выразительно по своим наручным часикам.

— Лидия Степановна, у нас же сейчас небольшая рабочая планерка будет, — спохватился Иван Тимофеевич, благодарно кивнув секретарю. — Заодно познакомлю вас с коллективом. А то вы уже месяц у нас заметки пишете, а никто вас не знает. Да и вам полезно будет познакомиться с коллегами.

Мы прошли по коридору и остановились перед дверью кабинета номер 14, обитой вытертым дерматином. Иван Тимофеевич пропустил меня вперед, и я оказалась в кабинете, увидев который почему-то сразу подумала о гигантских баррикадах. Только вместо мешков с землей здесь громоздились монументальные кипы бумаг, размерами если не с Эверест, то с Эльбрус точно. Бумаги царили повсюду: на высоченных, до потолка, стеллажах, на столах, на полу, на подоконниках и даже на колченогой стремянке. При этом затхлостью старой бумаги и пылью здесь совсем не воняло, наоборот, пахло приятно

хвоей и чем-то искристо-мятным. Несколько молоденьких девушек ловко отыскивали в этом бардаке необходимые документы, проворно вытаскивали нужный листочек из низа общей кучи так, что ничего не падало, и с техничностью муравьев складировали новые гигантские горы.

Ужас, я бы так с ума сошла. И как они здесь всё находят?

Пока я рассматривала этот бумажный термитник, одна из девушек, повинувшись указаниям Ивана Тимофеевича, отдала мне аж полмешка писем. Я, конечно, ожидала, что их будет много, но, увидев столько — сильно удивилась. И это еще мягко сказано.

— Женщинам нравится читать вашу колонку, — увидев мое лицо, довольно прокомментировал Иван Тимофеевич, потирая руки.

Я попробовала поднять — вроде как не сильно тяжелые, должна донести нормально.

— Обратная сторона успеха, — хмыкнув, развел руками сосед. — Я довезу вас, не беспокойтесь, Лидия Степановна.

— Я беспокоюсь не о том, что не дотащу, — вздохнула я и заглянула в мешок. — Чтобы им всем ответить, нужно много времени. Очень много. Неделя как минимум.

— За неделю еще новые письма придут, — улыбнулась девушка, как мне показалось, сочувственно.

— Вы изобретательны, Лидия Степановна, что-нибудь да придумаете, — решил успокоить меня сосед.

— Ну вот, смотрите. — Я наобум вытащила мятый конверт, обклеенный марками, оттуда достала исписанные невнятным бисерным почерком два двойных листа из тетрадки в косую линию. — Чтобы прочитать только это произведение, нужно минут двадцать, а судя по вопросительным знакам, проблем у читательницы накопилось множество.

— Лидия Степановна, в ваших талантах я совершенно не сомневаюсь, — спрыгнул с неоднозначной темы Иван Тимофеевич. — В крайнем случае заготовьте шаблон и только вписывайте имена читателей.

— Но как же можно одинаково, по шаблону, ответить и на вопрос, какие средства использовать от облысения, и как, к примеру, бороться с излишней волосистостью?

Девушки захихикали. А Иван Тимофеевич так вообще расхохотался.

Пока мы спорили, кабинет постепенно заполнялся сотрудниками. Они с интересом прислушивались, некоторые давали советы, комментарии.

— Мы по комсомольцам-передовикам из колхоза «Путь Ильича» статью в прошлом году писали, помнишь, Миша? — сказала высокая женщина в джинсах и вязанном крючком пончо бородатому мужчине.

Он согласно кивнул.

— Тоже со всей страны письма потом были, — продолжила женщина, — так мы попросили комсомольцев из тракторного, они нам все ответы написать и помогли.

— У вас писем значительно меньше было, — встряла толстушка в очках низким прокуренным голосом. — Кстати, я — Джамиля Правдина. — Она обращалась уже ко мне: — Это — Смена Стройотрядова. — Толстушка показала на женщину в пончо. — А Миша у нас пишет под псевдонимом Виктор Степной.

— Это да, — согласилась Смена Стройотрядова, — тогда даже не знаю... здесь не одну организацию привлечь надо. И это ведь еще только начало...

— Ай, да о чем тут вообще разговор? — пренебрежительно растягивая слова, вклинился в нашу беседу еще один персонаж.

Был он по-своему даже эпатажен: лысина на башке, большие мясистые уши и нос, маленькие юркие глазки.

С виду — продавец мороженого или воспитатель детского сада. Но при этом держался подчеркнуто мрачно.

— Все эти мыла-шмыла, лосьоны для лысых, капли для ушей и прочая чепуха — временное явление, — поджал губы мясистоухий. — Простой народ периодически тянется к какой-нибудь ерунде. Но бытовые мещанские темы с бабским трепом быстро утомляют. Так что это ненадолго, поверьте моему опыту.

— Может быть, про меня скоро и забудут, — ответила я, — но на эти полмешка писем все равно отвечать придется.

— Пройдет три дня, и все уляжется, я последнюю заметку даже не дочитал, на середине бросил, бабская скукота, — припечатал мясистоухий и демонстративно отвернулся к Ивану Тимофеевичу, не давая мне возможности ответить.

После непродолжительной планерки, на которой меня представили коллективу, Ивану Тимофеевичу пришлось еще задержаться — должен был прийти какой-то важный пакет. Я же долго ждать не могла, и так почти весь вечер угробила, а нужно было хоть немного подготовиться к экзаменам. Сосед пообещал привезти мои полмешка писем сегодня прямо домой. Поэтому я со спокойной совестью убежала.

Выскочив на улицу, я уже хотела перейти через дорогу, машин в это время было еще не столь много, как сзади мне на плечо опустилась рука.

От неожиданности я чуть не заорала.

— Сколько вас можно ждать, Горшкова. Пройдемте, — сказал неизвестный мужчина и втолкнул меня в раскрытую дверь автомобиля.